

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ

ЛИТЕРАТУРА. 2025–2026 уч. г.

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС

ЗАДАНИЯ И КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ

Максимальный балл за работу – 105.

Задание I. [40 баллов] РАБОТА НАД ФОРМОЙ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Любой художественный текст принадлежит тому или иному жанру, жанр представляет собой нерасчленимое (синкетическое) единство формы и содержания, при этом одно содержание может быть облечено в разную форму.

1.1.

Перед вами отрывок из прозаического эпического произведения.

Напав на нить брачных историй, князь Василий не пощадил и Густава Ивановича Фриессе, мужа Анны, рассказав, что он на другой день после свадьбы явился требовать при помощи полиции выселения новобрачной из родительского дома, как не имеющую отдельного паспорта, и водворения её на место проживания законного мужа. Верного в этом анекдоте было только то, что в первые дни замужней жизни Анна должна была безотлучно находиться около захваченной матери, так как Вера спешно уехала к себе на юг, а бедный Густав Иванович предавался унынию и отчаянию.

Все смеялись. Улыбалась и Анна своими прищуренными глазами. Густав Иванович хохотал громко и восторженно, и его худое, гладко обтянутое блестящей кожей лицо, с прилизанными жидкими, светлыми волосами, с ввалившимися глазами орбитами, походило на череп, обнажавший в смехе прескверные зубы. Он до сих пор обожал Анну, как и в первый день супружества, всегда старался сесть около неё, незаметно притронуться к ней и ухаживал за нею так влюблённо и самодовольно, что часто становилось за него и жалко и неловко.

Перед тем как вставать из-за стола, Вера Николаевна машинально пересчитала гостей. Оказалось – тринадцать. Она была суеверна и подумала про себя: «Вот это нехорошо! Как мне раньше не пришло в голову посчитать? И Вася виноват – ничего не сказал по телефону».

Когда у Шеиных или у Фриессе собирались близкие знакомые, то после обеда обыкновенно играли в покер, так как обе сестры до смешного любили азартные игры. В обоих домах даже выработались на этот счёт свои правила: всем играющим раздавались поровну костяные жетончики определённой цены, и игра длилась до тех пор, пока все костяшки не переходили в одни руки, –

тогда игра на этот вечер прекращалась, как бы партнёры ни настаивали на продолжении. Брать из кассы во второй раз жетоны строго запрещалось. Такие суровые законы были выведены из практики, для обуздания княгини Веры и Анны Николаевны, которые в азарте не знали никакого удержу. Общий проигрыш редко достигал ста – двухсот рублей.

Сели за покер и на этот раз. Вера, не принимавшая участия в игре, хотела выйти на террасу, где накрывали к чаю, но вдруг её с несколько таинственным видом вызывала из гостиной горничная. – Что такое, Даша? – с неудовольствием спросила княгиня Вера, проходя в свой маленький кабинет, рядом со спальней. – Что у вас за глупый вид? И что такое вы вертите в руках?

Даша положила на стол небольшой квадратный предмет, завёрнутый аккуратно в белую бумагу и тщательно перевязанный розовой ленточкой.

- 1. Укажите название текста, из которого взят отрывок (2 балла).**
- 2. Укажите автора текста (2 балла).**
- 3. Дайте определение жанру произведения (2 балла).**

Если название произведения указано неверно, ответ на вопрос 3 (жанр произведения) не оценивается.

Внимание! Ответ, написанный с ошибкой/опечаткой, не засчитывается.

Ответы:

- 1. «Гранатовый браслет»/Гранатовый браслет.**
- 2. А.И. Куприн/Куприн.**
- 3. Повесть, новелла/повесть/новелла.**

Всего за задание 1.1. максимально 6 баллов.

1.2.

Для постановки в школьном театре вам необходимо написать драматический фрагмент, сохранив основную коллизию (конфликт), содержащуюся в эпическом прозаическом отрывке, который дан выше. Фрагмент должен быть представлен в форме диалогов, при необходимости сопровожденных авторскими ремарками. Продумайте характеры героев.

Объём драматического текста не менее 350 слов (30 баллов).

Работа объёмом менее 150 слов будет автоматически оцениваться 0 баллов.

Оцениваются: Логичность и оригинальность сочинённого драматического фрагмента, его преемственность по отношению к содержанию авторского

текста и адаптация для постановки в школьном театре. Соответствие выбранному драматическому жанру, сохранение основной коллизии (конфликта) в сочинённом тексте. Общая логика и соответствие стиля сочинённого текста литературному произведению. Общая грамотность.

Дайте список действующих лиц с указанием их роли и обозначьте драматический жанр, к которому можно отнести написанный вами драматический фрагмент.

Критерии оценивания	Баллы
KI.2.1 Логичность и оригинальность сочинённого драматического фрагмента, его преемственность по отношению к содержанию и стилю авторского текста <i>Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10</i>	до 10 баллов
KI.2.2 Соответствие выбранному драматическому жанру, сохранение основной коллизии (конфликта) в сочинённом тексте <i>Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10</i>	до 10 баллов
KI.2.3 Список действующих лиц с указанием их роли	до 2 баллов
KI.2.4 Обозначен драматический жанр (драма, трагедия, комедия), к которому можно отнести написанный драматический фрагмент	до 2 баллов
KI.2.5 Объем драматического текста (не менее 350 слов), адаптация текста для постановки в школьном театре <i>Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5</i>	до 5 баллов
KI.2.6 Общая грамотность (наличие/отсутствие речевых, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок) в пределах изученного в курсе русского языка Баллы за грамотность: 5 баллов – нет ошибок; 3 балла – 1–2 ошибки любого вида (ОПГ); 2 балла – 3–4 ошибки любого вида (ОПГ); 0 баллов – более 4 ошибок любого вида (ОПГ). Промежуточные баллы ставятся за повторяющиеся, негрубые ошибки. <i>Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5</i>	до 5 баллов
<i>Максимальный балл</i>	34

Всего за задание 1 максимально 40 баллов.

Задание II. [65 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно.

Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Работа объёмом менее **150 слов** будет автоматически оцениваться в 0 баллов.

Перед ответом на задание укажите НОМЕР варианта текста, который вы анализируете.

ВАРИАНТ I

Иван Алексеевич Бунин (1870–1953)

КОСЦЫ

Мы шли по большой дороге, а они косили в молодом берёзовом лесу поблизости от неё – и пели.

Это было давно, это было бесконечно давно, потому что та жизнь, которой все мы жили в то время, не вернётся уже вовеки.

Они косили и пели, и весь берёзовый лес, ещё не утративший густоты и свежести, ещё полный цветов и запахов, звучно откликался им.

Кругом нас были поля, глушь серединой, исконной России. Было предвечернее время июньского дня. Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, изрезанная заглохшими колеями, следами давней жизни наших отцов и дедов, уходила перед нами в бесконечную русскую даль. Солнце склонялось на запад, стало заходить в красивые лёгкие облака, смягчая синь за дальними извалами полей и бросая к закату, где небо уже золотилось, великие светлые столпы, как пишут их на церковных картинах. Стадо овец серело впереди, старик-пастух с подпаском сидел на меже, навивая кнут... Казалось, что нет, да никогда и не было, ни времени, ни деления его на века, на годы в этой забытой – или благословенной – богом стране. И они шли и пели среди её вечной полевой тишины, простоты и первобытности с какой-то былинной свободой и беззаветностью. И берёзовый лес принимал и подхватывал их песню так же свободно и вольно, как они пели.

Они были «дальние», рязанские. Они небольшой артелью проходили по нашим, орловским, местам, помогая нашим сенокосам и подвигаясь на низы, на заработки во время рабочей поры в степях, ещё более плодородных, чем наши. И они были беззаботны, дружны, как бывают люди в дальнем и долгом

пути, на отдыхе от всех семейных и хозяйственных уз, были «охочи к работе», неосознанно радуясь её красоте и спорости. Они были как-то стариннее и добротнее, чем наши, — в обычае, в повадке, в языке, — опрятней и красивей одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, белыми, ладно увязанными онучами, чистыми портками и рубахами с красными, кумачовыми воротами и такими же ластовицами.

Неделю тому назад они косили в ближнем от нас лесу, и я видел, проезжая верхом, как они заходили на работу, пополудновавши: они пили из деревянных жбанов родниковую воду, — так долго, так сладко, как пьют только звери да хорошие, здоровые русские батраки, — потом крестились и бодро сбегались к месту с белыми, блестящими, наведёнными, как бритва, косами на плечах, на бегу вступали в ряд, косы пустили все враз, широко, играючи, и пошли, пошли вольной, ровной чередой. А на возвратном пути я видел их ужин. Они сидели на засвежевшей поляне возле потухшего костра, ложками таскали из чугуна куски чего-то розового.

Я сказал:

— Хлеб-соль, здравствуйте.

Они приветливо ответили:

— Доброго здоровья, милости просим!

Поляна спускалась к оврагу, открывая ещё светлый за зелёными деревьями запад. И вдруг, приглядевшись, я с ужасом увидел, что то, что ели они, были страшные своим дурманом грибы-мухоморы. А они только засмеялись:

— Ничего, они сладкие, чистая курятина!

Теперь они пели: «Ты прости-прощай, любезный друг!» — подвигались по берёзовому лесу, бездумно лишая его густых трав и цветов, и пели, сами не замечая того. И мы стояли и слушали их, чувствуя, что уже никогда не забыть нам этого предвечернего часа и никогда не понять, а главное, не высказать вполне, в чём такая дивная прелесть их песни.

Прелость ее была в откликах, в звучности берёзового леса. Прелость её была в том, что никак не была она сама по себе: она была связана со всем, что видели, чувствовали и мы, и они, эти рязанские косцы. Прелость была в том несознаваемом, но кровном родстве, которое было между ими и нами — и между ими, нами и этим хлебородным полем, что окружало нас, этим полевым воздухом, которым дышали и они, и мы с детства, этим предвечерним временем, этими облаками на уже розовеющем западе, этим свежим, молодым лесом, полным медвяных трав по пояс, диких несметных цветов и ягод, которые они поминутно срывали и ели, и этой большой дорогой, её простором

и заповедной далью. Прелесть была в том, что все мы были дети своей родины и были все вместе и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств, ибо их и не надо, не должно понимать, когда они есть. И ещё в том была (уже совсем не сознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была – Россия, и что только её душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох берёзовом лесу.

Прелесть была в том, что это было как будто и не пение, а именно только вздохи, подъёмы молодой, здоровой, певучей груди. Пела одна грудь, как когда-то пелись песни только в России и с той непосредственностью, с той несравненной лёгкостью, естественностью, которая была свойственна в песне только русскому. Чувствовалось – человек так свеж, крепок, так наивен в неведении своих сил и талантов и так полон песнью, что ему нужно только легонько вздыхать, чтобы отзывался весь лес на ту добрую и ласковую, а порой дерзкую и мощную звучность, которой наполняли его эти вздохи. Они подвигались, без малейшего усилия бросая вокруг себя косы, широкими полукругами обнажая перед собою поляны, окашивая, подбивая окрест пней и кустов и без малейшего напряжения вздыхая, каждый по-своему, но в общем выражая одно, делая по наитию нечто единое, совершенно цельное, необыкновенно прекраснее. И прекрасны совершенно особой, чисто русской красотой были те чувства, что рассказывали они своими вздохами и полусловами вместе с откликающейся далью, глубиной леса.

Конечно, они «прощались, расставались» и с «родимой сторонушкой», и со своим счастьем, и с надеждами, и с той, с кем это счастье соединялось:

Ты прости-прощай, любезный друг,

И, родимая, ах да прощай, сторонушка! –

говорили, вздыхали они каждый по-разному, с той или иной мерой грусти и любви, но с одинаковой беззаботно-безнадёжной укоризной.

Ты прости-прощай, любезная, неверная моя,

По тебе ли сердце черней грязи сделалось! –

говорили они, по-разному жалуясь и тоскуя, по-разному ударяя на слова, и вдруг все разомсливались уже в совершенно согласном чувстве почти восторга перед своей гибелью, молодой дерзости перед судьбою и какого-то необыкновенного, всепрощающего великодушия, – точно встряхивали головами и кидали весь лес:

Коль не любишь, не мил – бог с тобою,

Коли лучше найдёшь – позабудешь! –

и по всему лесу откликалось на дружную силу, свободу и грудную звучность их голосов, замирало и опять, звучно гремя, подхватывало:

Ах, коли лучше найдёшь – позабудешь,
Коли хуже найдёшь – пожалеешь!

В чём ещё было очарование этой песни, её неизбытная радость при всей ее будто бы безнадёжности? В том, что человек всё-таки не верил, да и не мог верить, по своей силе и непочатости, в эту безнадёжность. «Ах, да все пути мне, молодцу, заказаны!» – говорил он, сладко оплакивая себя. Но не плачут сладко и не поют своих скорбей те, которым и впрямь нет нигде ни пути, ни дороги. «Ты прости-прощай, родимая сторонушка!» – говорил человек – и знал, что всё-таки нет ему подлинной разлуки с нею, с родиной, что куда бы ни забросила его доля, всё будет над ним родное небо, а вокруг – беспределная родная Русь, гибельная для него, балованного, разве только своей свободой, простором и сказочным богатством. «Закатилось солнце красное за тёмные леса, ах, все пташки приумолкли, все садились по местам!» Закатилось моё счастье, вздыхал он, тёмная ночь с её глушью обступает меня, – и всё-таки чувствовал: так кровно близок он с этой глушью, живой для него, девственной и преисполненной волшебными силами, что всюду есть у него приуют, ночлег, есть чьё-то заступничество, чья-то добрая забота, чей-то голос, шепчущий: «Не тужи, утро вечера мудренее, для меня нет ничего невозможного, спи спокойно, дитятко!» – И из всяческих бед, по вере его, выручали его птицы и звери лесные, царевны прекрасные, премудрые и даже сама Баба-Яга, жалевшая его «по его младости». Были для него ковры-самолёты, шапки-невидимки, текли реки молочные, таились клады самоцветные, от всех смертных чар были ключи вечно живой воды, знал он молитвы и заклятия, чудодейные опять-таки по вере его, улетал из темниц, скинувшись ясным соколом, о сырую Землю-Мать ударившись, заступали его от лихих соседей и ворогов дебри дремучие, чёрные топи болотные, пески летучие – и прощал милосердный бог за все посвисты удалые, ножи острые, горячие...

Ещё одно, говорю я, было в этой песне – это то, что хорошо знали и мы, и они, эти рязанские мужики, в глубине души, что бесконечно счастливы были мы в те дни, теперь уже бесконечно далёкие – и невозвратимые. Ибо всему свой срок, – миновала и для нас сказка: отказались от нас наши древние заступники, разбежались рыскучие звери, разлетелись вещие птицы, свернулись самобраные скатерти, поруганы молитвы и заклятия, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи – и настал конец, предел божьему прощению.

1921

ВАРИАНТ II

Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924)

Хвала Человеку

Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, Человек!

По глухим тропам столетий
Ты проходишь с топором,
Целишь луком, ставишь сети,
Торжествуешь над врагом!

Камни, ветер, воду, пламя
Ты смирил своей уздой,
Взвил ликующее знамя
Прямо в купол голубой.

Вечно властен, вечно молод,
В странах Сумрака и Льда,
Петь заставил вещий молот,
Залил блеском города.

Сквозь пустыню и над бездной
Ты провёл свои пути,
Чтоб не рвущейся, железной
Нитью землю оплести.

В древних, вольных Океанах,
Где играли лишь киты,

На стальных левиафанах
Пробежал державно ты.

Змея, жалившего жадно
С неба выступы дубов,
Изловил ты, беспощадно,
Неустанный зверолов.

И шипя под хрупким шаром,
И в стекле согнут в дугу,
Он теперь, покорный чарам,
Светит хитрому врагу.

Царь несытый и упрямый
Четырёх подлунных царств,
Не стыдясь, ты роешь ямы,
Множишь тысячи коварств, —

Но, отважный, со стихией
После бьёшься с грудью грудь,
Чтоб ещё над новой выеей
Петлю рабства захлестнуть.

Верю, дерзкий! ты поставишь
Над землёй ряды ветрил.
Ты по прихоти направишь
Бег в пространстве, меж светил.

1909

Всероссийская олимпиада школьников по литературе.
Муниципальный этап, 2025 год. 11 класс.

Критерии оценивания	Баллы
<p>КП.1 Понимание произведения как «сложного построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное, адекватное, аргументированное раскрытие этого смысла в динамике – через конкретные наблюдения, сделанные по тексту <i>Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30</i></p>	до 30 баллов
<p>КП.2 Композиционная стройность работы, связность и логичность текста участника, уместность цитат и отсылок к произведению <i>Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10</i></p>	до 10 баллов
<p>КП.3 Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы <i>Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10</i></p>	до 10 баллов
<p>КП.4 Историко-литературная эрудиция, уместность и интерпретационная обоснованность использования фонового материала из области культуры и литературы, отсутствие фактических ошибок <i>Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10</i></p>	до 10 баллов
<p>КП.5 Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие речевых, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок). Примечание: в оценке речевого оформления работы учитывается прежде всего его соответствие коммуникативной задаче, точность выражения мысли, уместность использования речевых средств, умение участника обходиться без штампов и клише, общий уровень орфографической и пунктуационной грамотности. 0 баллов выставляется в том случае, когда качество речи мешает выразить мысль и быть понятым <i>Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5</i></p>	до 5 баллов
	<i>Максимальный балл</i>
	65